

Российская Академия Наук
Институт философии

В.М.Богуславский

**ФРАНЦИСКО САНЧЕЗ —
ФРАНЦУЗСКИЙ ПРЕДШЕСТВЕННИК
ФРЕНСИСА БЭКОНА**

УДК 14
ББК 87.3
Б 74

В авторской редакции

Научно-вспомогательная работа

И.А.Лаврентьева

Рецензенты:

доктор филос. наук *М.А.Абрамов*,

доктор филос. наук *В.В.Соколов*

Б 74

Богуславский В.М. Франциско Санчез — французский предшественник Френсиса Бэкона. — М., 2001. — 134 с.

Монография В.М.Богуславского посвящена философу периода позднего Возрождения — Франциско Санчезу. Ф.Санчез был профессором медицины и профессором философии в Университете г. Тулузы во Франции. Основная работа Ф.Санчеза — трактат на латинском языке «Quod nihil scitur», который Богуславский тщательно анализирует. Автор монографии выявляет принципиальное отличие скептицизма от агностицизма и доказывает прогрессивное значение взглядов Санчеза для той эпохи на ценность опыта в процессе познания. Знания, добытые с помощью опыта, могут служить основой для дальнейших исследований. В этом Санчез является предшественником Френсиса Бэкона, которого считают главным основателем индуктивной методологии в философии Нового времени. Монография рекомендуется (предназначена) философам, историкам философии, студентам гуманитарных вузов.

ISBN 978-5-458-68028-8

© В.М.Богуславский, 2001

© ИФРАН, 2001

Введение

Два этапа развития ренессансной мысли

Термины, которыми именуются догматическая и скептическая доктрины, употребляется в философской литературе более двух тысяч лет. Термин же «агностицизм» в этой литературе до второй половины XIX в. отсутствовал. В том смысле, в каком этот термин применяется в философии, он был впервые использован в 1869 г. известным ученым естествоиспытателем Л.Гексли¹. Имея для двух различных философских концепций лишь один термин — скептицизм, многие авторы стали им пользоваться не только для обозначения скептических, но и для обозначения агностических взглядов. Это привело к тому, что в философской литературе два этих течения нередко отождествляются. О распространенности ошибочного отождествления скептицизма с агностицизмом свидетельствует то, что это отождествление можно встретить почти в каждом философском словаре². Кроме длительного отсутствия термина, обозначающего агностическую доктрину, попыткам отождествления этой концепции со скептицизмом способствовала также заметная близость аргументации, которой пользуются последователи двух этих течений, хотя их аргументации отнюдь не тождественны. Отождествляя скептицизм с концепцией, совершенно дискредитирующей все имеющиеся в нашем распоряжении естественные познавательные средства — разум и опыт — и провозглашающей, что истину нам открывает сверхъестественно вера, некоторые современные историки философии расценивают скептицизм эпохи Возрождения как доктрину антиинтеллектуалистскую и фидеистическую. В Средние Века, говорит, например А.Крессон, в результате многовекового безраздельного господства традиционного догматического, антиинтеллектуалистского фи-

деистического образа мышления, дух свободного исследования был погружен в глубокий сон: «Так как он спал, человеческое воображение соорудило из идей великолепный собор и душа средневековых людей укрылась в нем. Они верили, что нашли свет истины»³. В XVI в. дух свободного исследования пробудился; под его воздействием здание, в котором люди «наслаждались миром», разрушается. Возникает необходимость его восстановления. В это время скептицизм явился силой, призванной его восстановить, укрепить все, что оказалось поколебленным бурными событиями этой эпохи. Долой свободное исследование, оно бесполезно и опасно, да здравствует старина, старые, освященные многовековой традицией социально-политические порядки, старые философские воззрения и этические нормы —таков, по Крессону, девиз, под которым выступает скептицизм XVI в. Этот скептицизм, по мнению Крессона, есть не деструктивное, а конструктивное течение мысли, не доктрина, потрясающая устои средневекового образа мышления, а воззрение, выступающее как средство спасения этих устоев, средство успокоения сил, выступивших против царивших в Средние Века идей, против привычных установлений и традиций, орудие, призванное обуздать «дух свободного исследования», воспрепятствовать его борьбе против традиционных представлений.

Ф.Коплстон тоже пишет, что возникший в XVI в. скептицизм стоял на позиции «защиты традиционных социальных, политических и религиозных форм»⁴. По Коплстону существенным отличием скептиков XVI в. от их античных предшественников была защита ими взгляда, что познавательное бессилие разума оставляет человеку только веру. И Фишль утверждает, что представители скептицизма Возрождения —это агностики, считающие, что нельзя доверять ни ощущениям, ни разуму и призывающие доверяться только вере⁵. По мнению М.Дреано, скептицизм XVI в. «старается унижить разум», укрепить веру. В эту эпоху, пишет М.Дреано, «церковь

(имеется в виду католическая церковь — *В.Б.*) считала своими врагами рационалистов и протестантов: ее союзниками были пирроники»⁶.

В книге, специально посвященной скептицизму XVI—XVII вв., Р.Попкин доказывает, что этот скептицизм был важнейшим идейным оружием Контрреформации⁷. Аналогичным образом характеризуют скептицизм рассматриваемой эпохи Г.Трюк (1946), П.Баррьер (1948), Г.Фридрих (1949), Ж.Шевалье (1956), Ж.Кальве (1950) и ряд других историков философии.

Внимательное исследование того, что в действительности происходило в Европе в период с XIII до начала XVII вв. решительно опровергает выше изложенное мнение названных ученых — не только их трактовку ренессансного скептицизма, но и ту оценку, которую они дают содержанию и историческому значению всей вообще эпохи Ренессанса. Эта эпоха, явившаяся величайшим из всех происходивших до того в истории переворотом, была ознаменована рядом глубоких изменений в материальной и духовной жизни Европы, период, который даже некоторые жившие тогда люди называли Возрождением, ибо считали, что их эпоха — это время, когда после более чем тысячелетия варварства в Европе происходит возврат к подлинной науке, подлинному искусству, подлинной культуре, существовавшим в античном мире. Передовые умы Возрождения, подвергая острой критике представления, свойственные средневековому менталитету, так же решительно осуждали схоластику, представлявшую собой тот тип религиозной философии, в котором догматические предпосылки соединены с рациональным выводением следствий из них. В отношении двух этих моментов позиция гуманистов первого периода Возрождения (XIV—XV вв.) не отличалась от занимаемой ими позиции на втором его этапе (XVI—XVII вв.). Но в других отношениях взгляды многих (хотя и не всех) гуманистов первого этапа этой эпохи существенно отличались от их воззрений во второй ее период.

Большую роль в коренных изменениях, преобразовавших всю жизнь Европы в эпоху Возрождения сыграло то, чего ей удалось достичь в XIV и XV вв. в технике.

Среди этих достижений на первое место современники ставили изобретение печатного станка и широкое распространение книгопечатания, а также то усовершенствование конструкции компаса, благодаря которому мореплаватели получили возможность совершать путешествия на как угодно далекие расстояния, и появление артиллерии. Из этих завоеваний техники особенно глубокие перемены в бытии и сознании людей вызвали книгопечатание и компас. Только за последние 60 лет XV века вышли из печати несслыханным для переписки вручную тиражом более тридцати тысяч различных произведений. Новая мысль, высказанная философом, открытие, сделанное ученым, страна или народ, впервые обнаруженные путешественником, становились известны огромному множеству людей в различных концах Европы с непостижимой для средневекового сознания скоростью. Это существенно сказывалось на изменениях, которые совершались в головах образованной части европейского населения. Значительное расширение мореплавания благодаря компасу привело к колоссальному росту масштабов международного торгового и культурного обмена. Сведения о странах и народах, до того почти неизвестных или вовсе неизвестных европейцам, разрушали привычные представления, наносили серьезные удары той узости кругозора, которая была типичной чертой сознания почти всех европейцев в Средние Века.

Не менее сильным ударом по узости средневекового кругозора явилось то, что к весьма ограниченным знаниям об античном мире, которыми располагало средневековье, присоединилось содержание многочисленных философских, научных, художественных произведений античности, впервые ставших доступными западноевропейскому читателю в XIV и XV веках. Яркая, многогран-

ная культура античного мира, бьющая в ней ключом общественная жизнь, богатство идей, выдвинутых различными философскими школами, свободно обсуждавшими свои разногласия, — все это уже в первой половине XIV в. (когда в руках европейцев оказалась сравнительно небольшая часть тех памятников греческой и римской культуры, с которыми они ознакомились позднее) произвело глубокое впечатление на представителей оппозиционной университетской мысли.

Возникновение в торгово-промышленных городах широкого круга образованных людей, приобретающих и обогащавших свои знания за пределами университетов и монастырей, ознакомление этих людей с той обширной античной литературой, которая впервые стала доступна в XIV и XV вв., обнажили крайнюю ограниченность, скудость средневековых знаний, шаткость, а нередко и ошибочность взглядов, принципов, идеалов, институтов, истинность, справедливость, ценность которых представлялись до того несомненными.

Таким образом, И.Кеплер имел все основания писать в своей работе, вышедшей в 1606 г.: «За последние 150 лет произошло так много и столь значительных событий, что больше едва ли и могло произойти...»⁸.

Исключительно важным фактором, обусловившим переворот в умственной жизни западноевропейского общества, явились социально-политические и экономические изменения, которые принесло с собой возникновение и развитие крупных торгово-промышленных центров.

Каковы особенности культуры, возникшей примерно в середине XIV в. и развивавшейся до начала XVII в., культуры, обычно именуемой культурой Возрождения? Эта эпоха отмечена таким пышным интеллектуальным расцветом, какого Европа не знала со времен античности. Наряду с необычайными по сравнению с предшествующими веками расширением знаний, позволившим в

некоторых отношениях превзойти древних, на духовную жизнь эпохи наложило глубокую печать достигнутое тогда высочайшее развитие искусства. В архитектуре и скульптуре, в литературе и живописи создаются шедевры, по сей день вызывающие изумление и восхищение, шедевры, изумлявшие и восхищавшие еще в большей степени современников периода их создания.

На смену представлению о пропасти, отделяющей Творца от его творения, всемогущего предвечного Бога от тленного мира природы и прозябающего в нем жалкого грешного человека, приходит реабилитация природы и человека, всего земного мира, его сближение с Богом, несущее в себе тенденцию к их слиянию. Связывание решения любой проблемы с тем, в каком отношении она находится к Богу, ориентация на мир иной, на спасение, которого может там достичь душа, отодвигается на второй план. Внимание сосредотачивается на том, что происходит в посюстороннем мире, на потребностях и возможностях человека, на его земных делах и выдвигается требование, «чтобы смертные прежде всего заботились о смертных вещах»⁹, как писал Фр.Петрарка. Ортодоксальный христианский взгляд, рассматривающий все удовольствия, к которым влечет человека его природа, как нечто исходящее от дьявола, отчетливо выражен в формуле: «Верх святости состоит, как признают святые, не только в том, чтобы мы отдаляли тело от наслаждения, но и в том, чтобы истязали его всячески мучениями и страданиями»¹⁰, как говорится в средневековом жизнеописании Бернардина Реалина. Этике, подчеркивающей греховность отягощенной первородным грехом природы человека и проповедующей умерщвление плоти, противопоставляется призыв положить в основу нравственности то, чего требует от человека его природа.

В ортодоксальном средневековом мировоззрении заключено стремление (в различной степени выраженное у различных его представителей) внушить человеку презре-

ние к деятельности, направленной на удовлетворение его склонностей и желаний, чувств и страстей с тем, чтобы, возвысившись до созерцания предметов божественных, он сосредоточил свои помыслы на спасении души, которое она может обрести в мире ином. Сохраняя веру в спасение души, даруемое душам праведных людей в загробном мире, гуманисты тем не менее призывают людей посвящать все свои силы активной деятельности по решению задач, выдвигаемых их духовными и физическими потребностями, а также задач, которые ставит перед ними общество. Лишь такая деятельность, утверждают гуманисты, позволяет людям достичь нравственного и социального, интеллектуального и физического совершенства. Как справедливо отмечает В.В.Соколов, прославление гуманистами активной человеческой деятельности представляло собой концепцию, противоположную созерцательности, присущей традиционному средневековому мировоззрению¹¹. Высокая оценка земной деятельности человека и прославление величия ее плодов налицо уже у Данте и «первого гуманиста» Фр.Петрарки. Осуждение взгляда, побуждающего чураться мира — отсюда отрицательное отношение к монашеству — убеждение, что человека возвышает не уход от мира, не пассивность, а использование им своего «дара познавать и действовать», деяния его ума и его рук, еще более энергично выражены у ренессансных мыслителей, выступавших позднее — и в XV и в XVI веках.

Деятели Возрождения, конечно, христиане. Но их концепция, обнаруживающая христианство во всех верованиях и всех философских учениях, существовавших и до Христа и после него, очень отличается от того, чем является христианство с момента его возникновения. Эта концепция естественно рождает пантеистические и деистические тенденции. В сознании гуманистов происходит секуляризация всей культуры — философии и этики, науки и искусства.

Одна из важнейших черт культуры Возрождения — огромное значение, приписываемое ею разуму: он делает нас людьми, от него зависят наша свобода, наша нравственность, ему мы обязаны всеми успехами нашего технического, научного, художественного творчества; лишь разум может обеспечить торжество справедливости в общественной жизни. Отчетливо выраженный рационализм присущ не только чуждым мистицизму ренессансным мыслителям, но и тем среди них, в доктринах которых мистика занимает большое и существенно важное место (Николай Кузанский, Себастьян Франк).

Названные особенности складывающегося тогда нового понимания человека, его природы, задач, стоящих перед ним, присущи гуманистической мысли на всем протяжении эпохи Возрождения, длившейся в общей сложности более двух с половиной столетий. У гуманистов второй части этой эпохи данная трактовка человека существенно отличается от той, которая была характерна для первого ее этапа. Но в обоих случаях она представляет собой концепцию, принципиально отличную от средневековых взглядов на человека, даже противоположную этим взглядам.

Хотя перечисленные особенности ренессансной мысли выражены с большей или меньшей рельефностью у представителей этой мысли на протяжении всей эпохи Возрождения, о скептических идеях этого сказать нельзя.

Рассматривая тенденции, доминирующие на различных стадиях развития философии данной эпохи, нельзя не согласиться с периодизацией, предложенной А.Х. Горфункелем, выделяющим периоды: антропоцентрический (середина XIV в. — середина XV в.), неоплатонический (середина XV в. — первая треть XVI в.) и натурфилософский (середина XVI — начало XVII в.). Следует, однако заметить, что в отношении некоторых важных моментов имеет место существенное сходство между философией первого из этих периодов и фило-